

Юрий Аракчеев

Пирамида

Повесть о повести

16+

Юрий Аракчеев

Пирамида

«ЛитРес: Самиздат»

1987

Аракчеев Ю. С.

Пирамида / Ю. С. Аракчеев — «ЛитРес: Самиздат», 1987

"Бестселлер перестройки", впервые опубликованный в журнале "Знамя" (1987, NN8-9), вызвавший огромный поток читательских отзывов, и занимавший одно из первых мест в рейтинге читательского интереса, опубликованном в журнале «Книжное обозрение». Неоднократно переиздана, однако официально была замолчана в СМИ и стала одной из причин «запрета на профессию» для Ю.Аракчеева, чьи книги не выходят в течение двадцати лет. Книга рассказывает о несправедливом приговоре к смертной казни и о борьбе людей за справедливость и человеческое достоинство в нашей стране.

Содержание

Повесть о повести	5
Преступление	6
Ночь	6
Утро	8
День	9
Невеста	11
Друзья	13
Суд	14
Защита	15
Инспектор уголовного розыска	15
Защитник	18
Верховный суд	20
Борьба	22
Адвокат	22
Газета	23
Сомнения	24
Свидание в изоляторе	25
Судья Алланазаров	26
Второй процесс	27
Поражение	29
Следователь по особо важным делам	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Повесть о повести

Часть первая. «Высшая мера»

Здесь описаны события, имевшие место в действительности. Изменены только фамилии и имена основных персонажей, за исключением адвоката Р. Ф. Беднорца, народного заседателя В. А. Касиева, журналистов М. Вознесенского, В. Степанова, З. Румера. (Прим. авт.)

Преступление

Ночь

Шел второй час ночи 26 апреля 1970 года. Сотрудники линейного отделения милиции железнодорожной станции города Мары совершали очередной обход.

– На вокзале порядок, – доносил по телефону один из них, зайдя в комнату дежурного по вокзалу. – Все спокойно.

И в этот момент снаружи послышались крики. Бросив трубку, милиционеры выбежали из дежурки. К стене у дверей медпункта привалилась пожилая женщина-туркменка в национальной одежде. Одежда была в крови, на стене и на полу виднелись алые пятна. Несколько человек охали и причитали рядом, над женщиной склонились медсестра и старик туркмен.

– Где? Где? – переспрашивала не знавшая туркменского языка сестра.

– Да в туалете напали. Там и порезали, – ответил кто-то. – Из туалета сюда пришла.

– Послушай, – сказал один милиционер другому, когда женщину отвели в медпункт и вызвали «Скорую помощь». – Это один из тех парней, а?

Милиционеры быстро и молча зашагали в зал ожидания, где незадолго перед тем делали замечание трем подвыпившим парням, один из которых вздумал улечься на лавке.

Войдя в зал, увидели: сидят двое. Третьего нет.

– Где ваш товарищ? – спросил милиционер Бердыев.

– Нету. Ушел, – сказал один из парней, молоденький.

Другой, постарше, спал сидя.

– Фамилия! – Милиционер Гельдыев тряхнул спящего за плечо.

– Семенов Григорий, – быстро ответил тот, встав и вытянув руки по швам.

– Семенов Анатолий, – прошептал молоденький, светлолицый, и при электрическом свете видно было, что лицо его стало белым.

– Третий где, который был с вами? – жестко спросил Бердыев.

– В пиджаке коричневом, – подсказал наблюдательный Гельдыев.

– В пиджаке-то? Клименкин? Клименкин Витька? Они меня провожали с Толиком. Ушел куда-то. Не знаю... – зачастил Григорий Семенов, – Спать небось пошел. В общежитие. А может... Ты, Толик, не знаешь?

– Пройдемте! – сказал Бердыев. – Быстро!

Торопясь, доставили обоих Семеновых в помещение линейного отделения милиции (ЛОМ), доложили дежурному.

– Гельдыев, останешься. Бердыев – со мной! В машину! – сказал дежурный Хасанов, вставая, поправляя пояс и кобуру с пистолетом.

Дверь общежития была заперта. Стучали минут пять. Наконец вахтер открыл. Не мешкая, нашли комнату № 4. Стучали и здесь. Было около трех часов ночи.

– Встать! Милиция, – негромко, но твердо произнес Хасанов, положив руку на кобуру, когда дверь наконец отворилась.

Спящие на нескольких кроватях зашевелились.

– Где Клименкин? – спросил Хасанов.

– Он на веранде спит, – сказал кто-то.

Прошли на веранду.

– Ну, я К-клименкин, – заикаясь, выговорил один – тот, что лежал на дальней кровати, – недовольным голосом. – Поспать н-не дают. Чего будите-то?

– Он еще спрашивает, – сквозь зубы процедил Бердыев. – Спит как будто!

– Встать, – повторил Хасанов. – Одевайся. Твоя фамилия как? – спросил он парня, койка которого стояла ближе.

– Гриневич, – ответил тот испуганно.

– Тоже вставай.

Хасанов отогнул матрас кровати, с которой встал Виктор Клименкин, принялся шарить руками. Ничего не нашел. Клименкин, пошатываясь, направился в комнату – одеваться.

– Твое? – входя за ним в комнату, сказал вдруг Хасанов.

В поднятой его руке блеснуло лезвие небольшого самодельного ножа.

– Ч-чего это? А, м-мой, – сказал Клименкин, зевнув.

– Ты и Гриневич поедете с нами. Быстро! – приказал Хасанов, пряча нож.

– Пиджак, пиджак бери, в котором был, – сказал Бердыев Клименкину.

Клименкин надел пиджак.

Утро

Старшему следователю линейного отделения милиции города Мары доложили о разбойном, зверском нападении в туалете. Это известие привело Ахмета Ахатова в ярость. И так процент нераскрытых преступлений на его участке велик – и вот вам...

Из сообщения Хасанова, однако, стало ясно, что уже задержано несколько человек, а главное – тот, который, по всей вероятности, и есть преступник. Все совпадало. Сбивчивый рассказ Гельдыева и Бердыева, уверенность Гельдыева, несомненная логика поступка подвыпившего парня – им не хватало, захотелось еще, а напротив сидели старики. И женщина, у которой, вероятно, были деньги в платке, вдруг пошла в туалет, где в этот ночной час, разумеется, пусто... И, может быть, самое главное – темное прошлое подозреваемого, имевшего, как выяснилось, уже две судимости в свои двадцать лет. Да еще нож... И Ахатов подумал вдруг: а не удача ли это? Ведь если удастся быстро раскрыть такое серьезное преступление, то...

– Не отпускать никого! – распорядился он. – Клименкина в камеру. Я сейчас буду.

В девятом часу утра в линейном отделении милиции станции Мары раздался звонок из Ашхабада:

– Что там у вас опять?

– Не беспокойтесь, товарищ полковник, – сказал Ахмет Ахатов, подойдя к телефону. – Все нормально. Преступление раскрыто, преступник арестован. Не беспокойтесь, не беспокойтесь, все в порядке.

День

Показания Клименкина Виктора Петровича, 1949 года рождения.

«25 апреля, в субботу, в 21 час я был в компании своих товарищей, Семенова Г. М., Семенова А. В., а также Гавриленко Б. П. Мы сидели в комнате № 4 общежития Марыстройтреста... Мы, то есть я, мои товарищи и другие ребята (шесть человек), выпили две бутылки вина марки «Ашхабадское», и одну бутылку водки я выпил с Семеновым Г. и тремя ребятами из комнаты № 26, фамилии которых Цепелев, Шнайдер, третьего зовут Гриша.

Потом, приблизительно в 23.50, мы, то есть я с Семеновыми, пошли на вокзал проводить Семенова Г., который должен был ехать в Куйбышев Новосибирской области. Я и Семенов А. решили покурить, вышли из зала и сели на скамейку, находящуюся под навесом, потом легли и задремали. Спустя некоторое время к нам подошли два милиционера и сделали замечание, что спать здесь нельзя, после чего мы встали и пошли опять в зал ожидания и сели рядом со спавшим Семеновым Г. Потом я встал и пошел домой. Когда пришел в общежитие, разделся и лег спать. Через короткий промежуток времени ко мне вошли сотрудники милиции и предложили поехать с ними».

– Так, – сказал молодой инспектор уголовного розыска Каспаров, которому Ахатов предложил провести первый допрос подозреваемого Клименкина. – Я прочитал тебе все написанное. Добавить можешь что-нибудь?

Виктор Клименкин – невысокий русоволосый парень – сидел на стуле, расслабившись, и как-то странно равнодушно смотрел на него. «Он или не он?» – в который раз подумал Каспаров. Кажущееся равнодушие можно расценить двояко...

В это воскресное утро Каспаров пришел на дежурство в девятом часу, увидел троих задержанных и этого парня, Клименкина, сидящего в специальном отделении за решеткой. Он еще не успел ничего спросить, как раздался звонок из Ашхабада. Трубку передали Ахатову. И бодрый тон Ахмета, и уверения его в том, что преступление раскрыто, насторожили Каспарова. Потом в одной из комнат он увидел кучку яркой пестрой ткани. Это была окровавленная одежда пострадавшей. От Хасанова узнал, что произошло. Вскоре Ахатов приехал с экспертами из больницы, и подозреваемого Клименкина вывели из-за решетки, отвели в комнату начальника ЛОМа, приказали раздеваться. Эксперт тщательно осмотрел одежду и тело Клименкина. Следов крови ни на одежде, ни на теле не было... Клименкина увели опять за решетку, а Ахатов достал нож из стола. Понюхал. «Сало!» – сказал он. Эксперт осмотрел нож. Следов крови как будто бы не было и здесь. Взяли Клименкина и других задержанных, поехали в больницу. На опознание. По дороге подсадили еще двоих, незнакомых. В глубине больничной палаты на койке лежала маленькая старуха. Лицо ее было сморщенным, желтым, глаза закрыты, она тяжело дышала. Эксперт и Ахатов подошли к ней, а Клименкина, Семеновых и двоих незнакомых мужчин выстроили тесной шеренгой. Милиционер Бердыев неотступно держал за руку Клименкина – боялся, видно, что тот убежит. Каспаров на всякий случай встал у двери. Эксперт наклонился к старухе и принялся по-туркменски что-то говорить ей, показывая в сторону стоящих шеренгой. Ахатов приподнял ее за плечи. Старуха была в тяжелом состоянии и, как видно, плохо понимала эксперта. Наконец она беспомощно махнула рукой в направлении стоявших. Один из них, маленький, лысый, Семенов Григорий, покачнулся и опустился на пол. Его подняли и положили на свободную койку. Обморок. Бердыев схватил Клименкина за другую руку, тот принялся возмущаться. Быстро Ахатов написал протокол. Все поочередно расписались. Каспаров заглянул в белый листок и увидел, что в графе «Подпись опознанного» расписался Клименкин.

– Клименкин, – сказал теперь, в помещении ЛОМа, Каспаров, – что же ты молчишь? Судя по твоим показаниям, ты преспокойно спал, когда было совершено нападение на старую

женщину. Или был на пути к дому. Короче, в этом деле не участвовал. А в протоколе опознания сегодня утром ты расписался, что потерпевшая опознала именно тебя. Значит, ты и напал на нее. Почему же теперь ты утверждаешь, что спал?

– Нет, – ответил Клименкин. – Что х-хотите думайте. Я не н-нападал. П-подраться я, можно сказать любитель, в-верно. Но не со с-старухой же. Что вы, с-смеетесь, что ли. Как я н-написал, т-так и было.

Клименкин сильно заикался, и Каспаров подумал, что, может быть, оттого он и молчалив.

– Но ведь нож твой нашли, – сказал он.

– Н-ну и что? М-мой нож. Рыбу чистили, к-колбасу резали. При чем тут нож? Я его с с-собой н-не носил.

– Послушай, Виктор, – сказал вдруг инспектор Каспаров, наклонившись к парню и пристально вглядываясь своими карими глазами в его глаза, серые и как будто бы равнодушные. – Вот что. Давай в открытую. Скажи мне честно. Честно, понял? В любом случае я постараюсь тебе помочь. Но я должен знать правду. Если хочешь, это останется между нами. Я не следователь, твой следователь – Ахатов. Я только провожу первый допрос. Скажи мне честно: ты или не ты?

– Н-не я. М-можете не сомневаться. Я м-могу избить равного себе, но не п-престарелую женщину. Г-глупости.

– Хорошо, – сказал Каспаров. – Я верю тебе. Но почему же ты все-таки расписался в акте?

– Я н-не знал, что по-подписываю. Милиционер сказал – распишись. В-вот я и расписался. Она же п-просто рукой махнула...

Странное чувство появилось у Каспарова. Глубокой, непонятной тоски. Он понял вдруг, что верит парню. Как инспектор уголовного розыска, проводящий предварительное дознание, он не имел, конечно, права уже теперь считать Клименкина невиновным. И все же посчитал. Поверил парню. А это значит...

– Дело твое серьезное, Виктор, – сказал он и устало откинулся на спинку стула. – Скажи адреса своих родственников. Кто у тебя из самых близких?

– Невеста. Светлана. Светлана Г-гриценко. А п-потом мать...

Невеста

Ахатов даже не ожидал, что все сложится так удачно. Оpozнание он провел быстро и хорошо. Клименкин расписался как опознанный, а это – серьезная улика. Есть протоколы допросов потерпевшей и мужа ее, записанные заместителем начальника ЛОМа Обетовым. В обоих – явное указание на Клименкина. «В туалете напал рыжий парень в коричневом пиджаке, при разговоре заикается...» Есть неувязочки – отсутствие крови на одежде подозреваемого и, похоже, на ноже, хотя все еще может поправить тщательная экспертиза. Чутье никогда еще не подводило Ахмета Ахатова. Оно верно подсказывало и на этот раз. Главное – оперативность. Да, это удача! Наконец-то...

Старший лейтенант милиции, старший следователь железнодорожной станции Мары, Ахмет Ахатов вызвал на допрос Гриценко Светлану Прокофьевну, 1950 года рождения, работающую мотористкой на швейной фабрике «Победа».

– Ты знаешь Клименкина Виктора Петровича, 1949 года рождения? – спросил он Светлану.

– Знаю, – сказала она тихо.

– А что он изнасиловал старуху, а потом порезал ее ножом и она умерла, знаешь? – повысил голос Ахатов и в упор посмотрел на девушку. – Он у нее пять рублей отнял. Человека за пять рублей убил!

Светлана молчала. Только побледнела страшно.

– Пиши, – сказал он и подвинул ей лист бумаги и ручку.

– Что писать? – спросила Светлана и подняла лицо на Ахатова.

– Сначала анкету заполни, вот здесь. Потом – откуда знаешь его, с каких пор, в каких отношениях состоишь. Чего не знаешь – я подскажу. Пиши!

«Холостая», – написала Светлана в графе «Семейное положение». Потому что официально так оно и было.

«Я, Гриценко Светлана Прокофьевна, являюсь женой Клименкина Виктора», – начала она писать на обороте, на чистой странице, и не заметила этого расхождения. Все смешалось в ее голове.

Знала она Виктора с 66-го года, с 16 лет. Жили в одном городе, познакомились, часто встречались. В мае 69-го – первое несчастье. Виктор самолюбив. Да еще это заикание. Выпил однажды в компании ребят, а потом подрались на улице. Его осудили на полтора года условно. Не прошло и года – опять драка. И опять суд. Она ходила сама не своя. Через месяц Виктора освободили из колонии и отправили в туркменский город Мары. Там он продолжал отбывать срок, работая на стройке. В июле вместе с матерью Виктора, Татьяной Васильевной, они приехали его навестить. Потом Татьяна Васильевна уехала – у нее кончился отпуск, – а Светлана решила остаться. Горе – на двоих. И поступила на работу на швейную фабрику. Грузчицей. Потом мотористкой. Тут, в Мары, они фактически стали мужем и женой. Он переехал к ней в общежитие, и она была счастлива: подальше от дружков, с которыми – она хорошо чувствовала своим женским сердцем – недалеко до беды. Потом начались ссоры. Сначала быстро мирились, потом стало труднее. Все чаще он приходил домой навеселе. Из-за этого и поссорились уже настолько серьезно, что он перебрался от нее в свое общежитие. Совсем не расходились, конечно, иногда он бывал у нее. Что-то происходило с ним нехорошее, а она ничего не могла сделать. Сознавая свою беспомощность, мучительно желала только одного: чтобы скорее шло время, чтобы кончился его срок и они переехали домой, под Новосибирск. Не будет дружков, начнется новая жизнь. Сам по себе он хороший, добрый, никогда не врет, всегда говорит правду. Только вот бесхарактерный перед своими дружками. И разочарованный какой-то. Эти выпивки... Но она верила: когда они переедут обратно домой, все это кончится, он возьмется

за ум, может быть, у них будут дети. Или нет, сначала они оба поступят учиться. Светлана – что-нибудь по художественной части, она любит рисовать, ее рисунки хвалили. А Виктор – по автомобилям. Если только до того времени ничего не случится. Она гнала от себя мрачные мысли...

В последний раз он был у нее в ночь с четверга на пятницу, 24-го. Говорили о поездке домой, мечтали. Хотели съездить на рыбалку на субботу и воскресенье, но что-то им помешало собраться. Если бы она могла это предчувствовать! Утром он проводил ее до работы.

Потом по городу поползли слухи. Она не верила, что Виктор мог совершить что-то слишком плохое. Подрался, наверное, опять.

И вот теперь, 4 мая, допрос. «Изнасиловал старушку»? Но это же бред! «Человека за пять рублей убил»... Господи! Не может быть такого! Не мог Виктор. Он не такой. Но она была как в чаду. Не соображала толком, что пишет. Рука не слушалась. Хорошо, что следователь помогал.

Друзья

Из показаний Семенова Григория:

«...Нас доставили в больницу, где одна больная женщина при мне указала на Клименкина и сказала, что он и ранил ее. Я не знаю, почему так сделал Клименкин».

Семенов Анатолий:

«...Нас, всего пять человек, привезли в больницу и показали одну старуху, которая указала на Клименко и сказала, что он ранил ее».

Гриневиц Александр:

«...В постели Клименкина работники милиции ничего не нашли, после подняли мой матрас и обнаружили небольшой нож, ручка которого обмотана черной изоляционной лентой. Этот нож видел я впервые. Перед тем как ложиться спать, я стелил и вытряхивал постельные принадлежности и никакого ножа не видел, то есть ножа не было, поэтому мне думается, что этот нож подложил только Клименкин, так как он лежал рядом со мной. Между койками расстояние очень близкое, даже спинки наших коек соприкасаются. Клименкин вполне мог подложить этот нож под мою голову».

Очная ставка Клименкина и Семенова А.

Клименкин: «Уходя с вокзала домой, я попрощался с Семеновым Григорием и поцеловал его в щеку, потом ушел».

Семенов А.: «Я не помню, чтобы Клименко простался с Григорием».

Очная ставка Клименкина и Семенова Г.

Семенов Г.: «Я не помню, чтобы Клименкин со мной простался».

Дополнительные показания Семенова А., взятые старшим следователем прокуратуры города Мары, юристом 1-го класса Абаевым:

«...Уходя с вокзала, Клименко ни с кем не простался и ничего не сказал... В больнице женщина указала на Клименко Виктора. Она его опознала по внешности, росту и по одежде, даже знала она, что он заикается. Нас всех показали вместе, и она твердо опознала его и показала на него, поэтому считаю, что Клименко Виктор напал на нее и нанес ножевые ранения, отчего она дня через четыре скончалась... Написано мною собственноручно».

Суд

Из постановления о предании суду Клименкина Виктора Петровича, 1949 года рождения:
«...По делу собраны достаточные доказательства для рассмотрения его в судебном заседании, грубых процессуальных нарушений не усматривается, обвинительное заключение составлено в соответствии с имеющимися в деле материалами, имеются основания для предания обвиняемого суду». Подпись: член Верховного суда ТССР Т. Джапаров.

Выездная сессия Верховного суда ТССР состоялась в клубе ПМК-19 треста «Марьинстрой» 28 августа 1970 года. Заседание открылось около 12 часов дня. Закончилось в 6 часов вечера. Было опрошено 7 (семь) свидетелей. Народу в клубе было много – мест для сидящих не хватало, стояли у стен и в дверях. Присутствовала приехавшая из Новосибирской области мать Клименкина.

Прокурор Джумаев, считая подсудимого виновным по статьям 106 пп. 1, 6, 8 (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах), 157 ч. III (разбой) и 249 ч. III (изготовление и хранение холодного оружия) УК ТССР, потребовал по совокупности преступлений приговорить В. Клименкина к высшей, исключительной мере наказания – расстрелу.

Адвокат Агаджаев, молчавший в течение всего процесса, в короткой заключительной речи сказал:

– Я считаю, что обвинение по статьям 106 пп. 1, 6, 8 и 157 ч. III следствием не доказано. А статью 249 ч. III я считаю доказанной. Но, учитывая молодость, прошу суд определить Клименкину минимальную меру наказания.

– Значит, ты такой же, как он, – подал реплику прокурор Джумаев.

– Допустим, – ответил ему Агаджаев и сел.

Последнее слово подсудимого:

«Прошу вас отнестись гуманно, так как за собой вину не чувствую».

Суд приговорил Клименкина Виктора Петровича к высшей, исключительной мере наказания – смертной казни.

Протокол судебного заседания от 28 августа 1970 года уместился на 13 листах рукописного текста.

Клименкину, сидящему в ожидании расстрела, предлагали подписать прошение о помиловании. «Подписать – значит признать себя виновным в том, чего я не совершал. Лучше я умру честным, чем буду жить как убийца», – сказал Клименкин и категорически отказался подписать прошение.

Защита

Инспектор уголовного розыска

Виктору Тиграновичу Каспарову повезло. Идеалом для него был отец. Заслуженный чекист республики, бывший прокурор города Мары. Он умер, когда Виктору было восемнадцать, и теперь, по прошествии полутора десятков лет, личность отца для него не только не потускнела, но как раз наоборот, стала ярче, чище. Отсеялись случайные, незначительные черты, осталось самое главное. Честность и прямота. Аккуратность, пунктуальность, подтянутость. И при этом – общительность, любовь к людям, немелочность.

Какими сложными ни казались бы Виктору Каспарову ситуации, в которые он волею судеб попадал, он твердо знал одно: надо поступать так, как поступил бы на его месте отец. А это значит быть честным, бесстрашным – и не юлить. Нет ничего сильнее правды, и что бы ни произошло на пути к ней, главное – выстоять. Потому что правда все равно победит. Тут может помешать только одно – страх. Страх быть не должно.

Однажды он случайно услышал от какой-то женщины: каждый человек рождается с двумя погонами. На одном погоне пишутся его добрые дела. На другом – злые. До сорока лет записи злых дел смываются дождем, но после сорока – остаются. Каспарову было тогда около тридцати, и он подумал: после сорока ли? Мысль пойти по стопам отца зародилась тогда же. Однако судьба распорядилась иначе. Он закончил Туркменский сельскохозяйственный институт. Но в марте 1970 года партийной организацией предприятия был направлен на обучение, а затем на следственную работу в органы МВД республики. Виктор Каспаров знал: он сделает все, чтобы доверие оправдать. Он помнил торжественную обстановку, слова, сказанные секретарем обкома: «Мы верим в вас, мы надеемся, что вы будете таким же честным, принципиальным, как ваш отец...»

Из сослуживцев поначалу симпатичнее всех казался старший следователь Ахмет Ахатов. Юрист с высшим образованием, ровесник Каспарова, он был энергичен, уверен в себе, оперативен, решителен. «Ты пока что неопытен, так? – сказал Ахмет в один из первых дней их знакомства. – Но ты слушайся меня, у меня большой опыт. Будь поближе ко мне, вникай, я постараюсь, чтобы ты все усвоил». Они стали почти приятелями. Однако не прошло и недели, как некоторые черточки Ахатова стали настораживать Виктора. Слишком много он говорил о своих способностях, безошибочном чутье, непререкаемом авторитете. Но на деле часто не выполнял даже элементарного, что требовалось от следователя.

После допроса Клименкина Каспаров был почти уверен: Ахатов опять руководствуется только «чутьем». Его поразила быстрота ареста Клименкина, поспешный доклад Ахатова начальству из Ашхабада, удручающее расхождение показаний подозреваемого с версией следователя. Ахатов же, по всей видимости, настолько уверился уже в своей правоте, что и не пытался исследовать никаких других версий. Собственно, он так и сказал Каспарову: «Мое чутье мне подсказывает: напал Клименкин. Я знаю, что говорю. Погоди, закончу следствие, ты убедишься». И Каспаров ждал.

За это время он много раз в подробностях вспоминал то памятное утро, 26 апреля. И чем больше припоминал, тем больше не нравилась ему эта история. Экспертиза подтвердила: ни на ноже, ни на одежде Клименкина нет следов крови. Он понял еще и другое: в больнице Ахатов допустил вопиющие нарушения процессуального закона.

Дело в том, что по закону вместе с опознаваемым потерпевшей должны быть предъявлены люди, не слишком отличающиеся от него по возрасту, внешности, одежде. Ахатов же выставил перед потерпевшей людей совершенно разного возраста (от 20 до 45 лет), не похожих

друг на друга, и только на одном из них – на Клименкине – был надет пиджак. Остальные были в рубашках. Хотя опознание как раз и проводилось по пиджаку. Все разговоры в больничной палате велись на туркменском языке, никто не переводил ни того, что говорил Ахатов, ни того, что ему ответила женщина. А опознаваемый – русский – и не знает туркменского языка. И, наконец, самое главное: во время опознания за спиной Клименкина стоял милиционер в форме и держал его за руку, тем самым как бы подсказывая потерпевшей, кого нужно опознать. Клименкин расписался в акте, по-видимому, в крайней растерянности.

И все-таки Каспаров ждал. Может быть, Ахатов чего-то не говорит ему? Может быть, есть еще какие-то доказательства, о которых он, Каспаров, не знает?

Несколько раз подходил к Ахатову, спрашивал, как дела. «А что, все в порядке, все ясно», – отвечал Ахмет Ахатов. «Ты собираешься брать пробы известки со стены, пробы земли с пола на месте происшествия, делать трассологическую экспертизу одежды пострадавшей? Ты записал номера машин на стоянке около станции?» – спросил Каспаров в первый же день дознания. «Послушай, не мешай! Я знаю, что делаю», – раздраженно ответил тогда Ахатов. Вместе составляли план места происшествия. Каспаров чертил, измерял. Но уже тогда отметил: нет и речи о хронометраже времени, не учитывается расстояние от места происшествия до места, где арестовали Клименкина. Ведь его арестовали в общежитии, в постели, спящего, а после нападения на старую женщину прошло очень немного времени. Мог ли преступник за это время дойти до дома и улечься спать как ни в чем не бывало? Не был ли Клименкин уже в общежитии или по дороге к нему, когда происходило нападение в туалете? Ведь это было бы алиби. Похоже, ни одной версии, кроме первоначальной, что напавший – Клименкин, так и не собирался исследовать Ахатов. А время шло.

30 апреля – через четыре дня после разбойного нападения – женщина умерла. Теперь Клименкина должны судить как убийцу.

Каспарову нужно было ехать на стажировку в Ашхабад. Но и там, в Ашхабаде, дело Клименкина не давало ему покоя. Он говорил с юристами, советовался. Перечитывал учебники криминалистики... Вернулся в Мары в июне. И вновь завел разговор с Ахатовым о деле Клименкина.

– Опять ты свое! – с искренним огорчением сказал Ахатов. – Я же тебе говорю: дело ясное! Зачем пустым заниматься? Что ты все мудришь? Зачем время терять? У меня других дел знаешь сколько! Ты слушай меня. Я сделаю из тебя хорошего следователя.

Каспаров молчал. Давно заметил он, что и в других делах Ахатов невнимателен, груб, слишком спешит. Не так представлял себе Каспаров работу следователя! Похоже, не истина интересовала Ахатова. Ему лишь бы поскорей отчитаться, скинуть дело с плеч. А ведь от этого зависели судьбы людей!

Нет, больше терпеть нельзя. Несколько дней сидел, составлял докладную записку о нарушениях законности в линейном отделении милиции станции Мары. И отвез ее в Ашхабад заместителю министра внутренних дел республики.

Процедура «показательного» процесса поразила Каспарова. Выступления нескольких свидетелей были совершенно неубедительны, их показания ничего не доказывали, суд не задавал им вопросов. Обвинительная речь прокурора носила общий характер. Он говорил о том, как должны вести себя люди в возрасте подсудимого, без конца напирал на его прошлое, приводил примеры, когда сверстники его погибали за Родину. И – ничего по существу дела. «Ты тюбик, начиненный чем-то порочным», – с пафосом обратился он к подсудимому. И – ни одного веского доказательства его преступления.

Зачитав приговор, судья, обращаясь к матери осужденного, заявил:

– Вы не беспокойтесь, вещи вашего сына – новая сорочка, коричневый костюм, ботинки – после исполнения приговора будут отправлены вам посылкой.

С матерью стало плохо.

Когда Клименкина выводили из здания клуба, где происходил суд, и вели к машине, мать подошла к нему и дотронулась до плеча, чтобы попрощаться. Начальник конвоя оттолкнул ее. Мать упала и ударилась головой о каменный борт арыка. Клименкина увезли. На другой машине – «Скорой помощи» – увезли мать.

Люди, бывшие на процессе, не скрывали своего возмущения. Тут же дали послать коллективную телеграмму в Президиум Верховного Совета СССР.

Защитник

Во все времена, при любых общественных системах всегда существует вероятность проявления человеческой недобросовестности, злой воли, жестокости. И все же настоящая трагедия происходит не тогда, когда действуют люди злые. Настоящая трагедия – когда бездействуют добрые.

Каспаров не мог спать. Больше всего его мучила мысль о том, что он был прав, что с самого начала он видел: творится беззаконие. Да, он говорил с Ахатовым, он даже составил докладную записку и отвез ее в Ашхабад, он боролся. Но – недостаточно. Невинному грозит смертная казнь.

И он, Каспаров, косвенный виновник этого. Свидетель.

Он представлял себя на месте Клименкина. Вот он, двадцатилетний парень, сидит в камере смертников и ждет: когда? ... Вот, кажется, идут за ним. Да, это за ним. И – все. Все. И ничего уже не поправишь, не изменишь. Бесполезны крики, мольбы. Умереть за идею, умереть за правду – почетно. Но тут... И люди никогда не узнают, что он невиновен, он останется в их памяти как убийца. Для настоящего преступника, ожидающего смертной казни за свои преступления перед людьми, эти часы тоже ужасны, но они все же заслуженны, и осужденный может хотя бы облегчить свою душу раскаянием. Но если ты невиновен – и все-таки погибнешь от руки правосудия, а истинные преступники будут гулять на свободе и натворят еще всякого, ты же в глазах твоих близких так и останешься преступником навечно, и никто не сможет уже...

Да, час действительно пробил. Каспаров понял: он должен лететь в Москву. Он. Это судьба. Никто не сможет объяснить лучше, чем он. Даже мать Клименкина не сможет. Мать придет, чтобы пригласить адвоката, когда они подадут жалобу. А сейчас должен лететь он. Немедленно. В Москве разберутся, поймут. И помогут. Он был на опознании, он первым допрашивал Клименкина, он хорошо знает Ахатова, знает порядки в ЛОМе. Он все расскажет. Там разберутся. Другого выхода нет. Приговор, подписанный судебной коллегией Верховного суда Туркмении, окончательный и обжалованию в республике не подлежит. Только Москва может помочь, Верховный суд СССР.

Нелегко принять такое решение, а приняв, как же трудно осуществить! От города Мары нужно сначала лететь на самолете до Ашхабада. Оттуда – прямой рейс на Москву. А там как сложится? Неделя нужна, не меньше. И деньги на дорогу.

Помогли родственники, сослуживцы, друзья. Больше всех – дальний родственник, Юрий Тихонов, летчик. Он был на процессе, все видел.

– Лети – и быстрее, – сказал он Каспарову. – Я тебе помогу.

Сам взял билет на самолет, пришел к Виктору.

– Собирайся при мне, я знаю, что ты медлителен. Через три часа твой самолет... Машина есть, я тебя провожу.

– Как, уже? – сказал Виктор Каспаров.

В три часа ночи он был в Москве.

Сомнения, колебания, неуверенность – как портят они нашу жизнь, как лишают нас силы! Но здесь речь не о себе – речь о другом. И на самом деле о жизни и смерти. И о правде. На людей действует искренняя уверенность. В Президиуме Верховного Совета СССР Каспарова приняли вне очереди. Выслушали. Минут сорок он излагал обстоятельства дела женщине-консультанту. Просил, прежде всего: немедленно задержать исполнение приговора. Консультант заверила, что примет все меры.

– Сегодня же мы свяжемся с Прокуратурой Союза, – пообещала она.

– Я сам туда направляюсь, – сказал Виктор Каспаров.

Женщина внимательно посмотрела на него.

– Хорошо, – сказала. – Если будут трудности, звоните мне. Вот по этому телефону.

Вышел. Вздыхнул с облегчением... Главное сделано, однако расслабляться рано.

В приемной Прокуратуры Союза – огромная очередь. Растерялся даже: вот оно, непредвиденное препятствие. С трудом преодолел внезапную апатию, сковавшую тело.

– Товарищи, я приехал издалека, – обратился он к людям в очереди. – Невинному человеку грозит смертная казнь. Срочно нужна помощь, остаются считанные часы.

Люди у окошка расступились... Пропуск – в руках. Наконец – нужный кабинет. Небольшая комната, женщина, довольно молодая.

– Слушаю вас...

Начал все снова. С подробностями. Рассказывал почти два часа. Женщина внимательно слушала. Спросила, давно ли он сам работает в органах.

– Недавно, – ответил он.

– Вот видите, – сказала женщина. – У вас нет опыта. Вы можете ошибаться. Вы, например, заявляете о всевозможных экспертизах, а есть ли время на них? Ведь время работает на преступника, не так ли? Может быть, тот следователь поступил как раз правильно? В том, о чем вы говорите, слишком много теории...

– Какая же это теория! – прервал ее Каспаров. – Человека приговорили к смертной казни! Его вот-вот расстреляют. Я же не прошу вас оправдать его, я настаиваю на том, что необходимо пересмотреть дело. Я говорю о вопиющих нарушениях закона и за свои слова отвечаю.

– Хорошо, – смягчилась женщина. – Изложите все в письменном виде и принесите нам. А мы пока примем меры, чтобы задержать исполнение приговора.

Вышел, теперь еще более уверенный, что самого страшного не случится. В горле першило – слишком много волнений, слишком много слов в этот бесконечный день. С утра, вернее, с ночи – с тех пор, как ступил на землю в аэропорту Домодедово, – не ел, не пил. Только теперь впервые позволил себе немного расслабиться – выпил газированной воды из автомата... Отец был бы доволен, промелькнула мысль. Но отогнал ее тотчас. На очереди, может быть, самое главное – Верховный суд.

Кончился рабочий день, но Каспаров все же занял очередь в приемной. Ему казалось, что необходимо успеть сегодня, это очень важно. Именно сегодня! Его принял человек средних лет, очень представительный, внимательный и спокойный. Фамилия – Воронов. Просторный кабинет, столы буквой «Т». Все основательно, солидно. Зеленое сукно.

– Я слушаю вас, – приветливо обратился Вячеслав Владимирович Воронов к Виктору Каспарову.

Верховный суд

ТЕЛЕГРАММА

Ашхабад, Верхсуд.

Вышлите дело Клименкина Виктора Петровича осужденного двадцать восьмого августа тчк Исполнение приговора приостанавливаю тчк

Зампредверхсуда Союза Кузьмин

18/IX-70 г.

ПРОТЕСТ

В Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда Союза ССР.

«Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Туркменской ССР Клименкин В. П. осужден за незаконное хранение оружия, разбой и умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах...

Согласно ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства. Требования упомянутой статьи закона по делу Клименкина в должной мере не были выполнены как органами расследования, так и судом. В результате по делу остались неисследованными весьма существенные обстоятельства.

Из истории болезни Амандурдыевой усматривается, что она была доставлена в больницу в 3 час. 30 мин. 26 апреля 1970 г. Принимавшему ее врачу она заявила, что около вокзала на нее напали незнакомые люди и нанесли ей несколько ударов ножом. Это заявление осталось непроверенным. Ни потерпевшая, ни врач, ни другие лица по этому вопросу не допрошены. Судя по записи, на Амандурдыеву напали несколько человек. В связи с этим надлежало проверить, нет ли таких лиц, с которыми потерпевшая или члены ее семьи находились в плохих взаимоотношениях и которые могли напасть на нее из мести или других побуждений, исследовать иные возможные версии. Однако органами следствия эти обстоятельства не проверялись...

Виновность Клименкина в нападении на Амандурдыеву суд обосновал ее показаниями и фактом опознания ею Клименкина.

Однако из дела видно, что опознание Клименкина органами расследования произведено с грубым нарушением требований ст. 165 УПК Туркменской ССР: Клименкин, родившийся в 1949 году, был предъявлен в группе лиц 1926, 1945 и 1942 годов рождения, резко отличавшихся от него по возрасту; в какой одежде были предъявленные к опознанию лица, в том числе и Клименкин, не описано...

Необходимо проверить адресованное в Верховный суд СССР письмо инспектора уголовного розыска линейного отделения милиции Каспарова. В своем письме Каспаров указывает, что он принимал участие в расследовании уголовного дела по обвинению Клименкина и был очевидцем грубого нарушения закона работниками милиции при задержании Клименкина, при предъявлении его потерпевшей для опознания и при проведении других следственных действий...

Учитывая изложенное и руководствуясь ст. 15 Положения о Верховном суде СССР,

ПРОШУ

Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда ТССР от 28 августа 1970 года в отношении Клименкина Виктора Петровича отменить и дело о нем направить на новое расследование.

26/X-70 г.

Заместитель Председателя Верховного суда Союза ССР

С. Г. Баринов».

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР Протест был удовлетворен.

Определение коллегии было напечатано в «Бюллетене Верховного суда СССР» (71, № 2) под заголовком: «Опознание личности обвиняемого, произведенное с нарушением требований уголовно-процессуального закона, не может быть положено в основание приговора».

В городе Мары следователь Абаев начал дополнительное расследование.

Борьба

Адвокат

Московский адвокат Рихард Францевич Беднорц встретил своего знакомого, адвоката Сафонова.

– Послушай, Рихард, – по привычке Сафонов взял собеседника за пуговицу. – Хочешь, удружу?

– А что такое? – улыбаясь, спросил Рихард Францевич.

– Дело есть. Такие дела бывают раз в жизни. Хочешь?

И Сафонов в общих чертах рассказал о деле Клименкина.

– Парень не виноват, это ясно, – резюмировал он свой рассказ. – Ситуация понятна как дважды два. Взяли первого попавшегося – тем более что он ранее судим. Решили: такого никто защищать не будет. А там инспектор угрозыска нашелся порядочный – сюда, в Москву, приехал. А потом – мать осужденного, она со мной договор заключила. Истребовали дело, я жалобу написал. Одну деталь обнаружил, прелюбопытнейшую. Запись в истории болезни. Врач Кадыров со слов больной записал, а медсестра Хачатурова подтвердила: «напали незнакомые люди». «Люди»! – понял. По версии же обвинения, которая сложилась в первые минуты, «напал парень в коричневом пиджаке, рыжий, в разговоре заикается». Эта фраза у всех допрошенных фигурирует в одной и той же редакции. Есть там такой следователь ЛОМа – Ахатов, – похоже, его изобретение. А тут – «люди». И еще. Знаешь, зачем старики Амандурдыевы в Мары приехали? Сына своего навестить. Он за изнасилование девочки сидит, понял? Кровная месть – очень похоже. Ты же знаешь, что она, увы, «кое-где у нас порой» еще встречается... Но где уж эту версию исследовать. Трудно. И чревато! А тут парнишка подвернулся с судимостями. Вот и козлик... В два счета – и под расстрел! Приговор Москва теперь отменила, будет новый процесс. Ну, возьмешься?

– А ты чего же? – спросил Рихард Францевич.

– Да я, понимаешь, никак не могу. К сожалению. Нужно в Туркмению ехать, а у меня обстоятельства. Ну?

И Беднорц согласился.

Газета

18 марта 1971 года в редакцию «Литературной газеты» пришла телеграмма:

«Просим срочно командировать корреспондента Мары Туркменской ССР необходимо спасти жизнь 20-летнего Клименкина Виктора зпт против которого без доказательств было сфабриковано уголовное дело тчк Нарушив социалистическую законность нормы советской морали приговорили Клименкина к смертной казни приговор был отменен Москвой тчк Готовится новая судебная расправа Подробный материал выслан редакции 15 марта тчк

Просим вас предотвратить произвол тчк Коллектив рабочих фабрики «Победа».

22 марта редакция получила жалобы Каспарова и Сафонова.

Затем пришла еще одна телеграмма:

«Главному редактору «Литературной газеты» делегату XXIV съезда КПСС от невесты осужденного Виктора Клименкина тчк Прошу вас срочно командировать Мары Туркменской ССР корреспондента на суд который состоится в начале апреля...»

Было решено послать корреспондента на второй процесс по делу Клименкина.

Сомнения

Первое знакомство с делом Клименкина в городском суде Мары убедило Беднорца в том, что Сафонов был совершенно прав. Внимательно прочитав и второй том – исследование Абаева, Беднорц пришел к выводу: следствие не продвинулось ни на шаг в поисках истины. Абаев не только не пытался исследовать новые версии, на что недвусмысленно было указано в Определении Верховного суда Союза, но с упорством шел по старому пути. Вместо исследования других версий к делу была приложена справка о том, что брат девочки, изнасилованной сыном Амандурдыевых, служит в армии, а потому он якобы не мог быть в Мары в тот день, 26 апреля. И – протокол поверхностного опроса соседей, которые, разумеется, в один голос заявляли, что взаимоотношения с Амандурдыевыми у них всегда были безоблачными. Вызывали недоумение бесконечные повторные допросы в связи с опознанием. Исходя из того же Определения, следователю вовсе не нужно было добывать показания Анатолия Семенова и других свидетелей о том, опознала потерпевшая Клименкина или не опознала. Необходимо было установить: были нарушения во время опознания или не были. Если были – а они, судя по всему, были, – то уже не имеет значения, указала потерпевшая твердо на Клименкина или нет. Ведь в Определении ясно сказано: «Опознание личности обвиняемого, произведенное с нарушением закона, не может быть положено в основание приговора». Следствие же только тем и занималось, что пыталось положить в основание приговора именно опознание.

Правда, в деле появился новый, вынырнувший неизвестно откуда свидетель Хадыр Ичилов. Допрошен он был почему-то не в Мары, а в Чарджоу тамошним следователем Задорожным. Этот Ичилов якобы был в ту роковую ночь – 26 апреля – под навесом станции Мары. И видел, что один из молодых ребят «играл ножом с черной рукояткой». И еще «видел» он, как этот самый парень, «играя ножом», встал и пошел вслед за женщиной. Ичилов был на станции не один, а со своими знакомыми – с кем именно, он не помнил, но обещал выяснить. Они якобы подтвердят. «Кто со мной был в ту ночь на вокзале, я не знаю, но постараюсь узнать» – так были записаны его слова в протоколе. Как же это он узнает? Любопытно...

Заявление Ичилова в какой-то степени совпадало с тем, что показал на одном из допросов Клименкин, а также муж потерпевшей, Тиркишев Амандурды. Оба они говорили, что под навесом на мешках с картошкой сидели два железнодорожника...

Беднорц почувствовал, как сердце его внезапно дало сбой, а во рту появился неприятный саднящий привкус. «Подвергай все сомнению, подвергай все сомнению, – вспомнилось привычное правило. – Только это поможет добраться до истины». А вдруг все же?..

Ведь прямых доказательств невинности Клименкина нет.

Свидание в изоляторе

Открылась дверь, и адвокат Беднорц увидел невысокого двадцатилетнего паренька, стриженного наголо, бледного.

– Здравствуйте, – сказал паренек, заикаясь.

– Здравствуйте.

Рихард Францевич внимательно смотрел на своего подзащитного.

– Садитесь. Я ваш адвокат. Из Москвы. Буду вас защищать. Давайте подумаем, как это лучше всего сделать...

Разговаривая с Клименкиным, он несколько раз замечал, что хотя этот паренек волнуется и даже заикается от волнения или вдруг начинает возмущаться либо приемами следователей, либо показаниями некоторых свидетелей – но держится так, будто вся эта история его не очень-то и касается. То есть как будто бы ему даже требуется усилие, чтобы вникать в подробности дела, юридические тонкости, – хотя речь ведь идет о его, Клименкина, жизни и смерти. Жизни или смерти. Трудно было поверить, что именно этот парень сидел несколько месяцев в ожидании исполнения приговора. Ведь до телеграммы заместителя Председателя Верховного суда Союза Кузьмина он имел все основания ждать, что со дня на день за ним придут... Да и сейчас, собственно, не решено ничего. Так что еще неизвестно... Казалось, однако, что он ведет себя так, будто вся эта борьба идет вовсе и не за него. Как будто и сомнений не было у него, что приговор не будет приведен в исполнение. Как будто все эти месяцы он просто сидит и ждет, когда же его наконец освободят.

Выходя на солнечную улицу города, Рихард Францевич испытал чувство облегчения. Он был почти уверен в невинности своего подзащитного. А это очень важно. Защищать, коли взялся за это дело, нужно в любом случае. Но каково защищать убийцу? Сейчас же на основании тех материалов, которые собраны следствием, было ясно: доказательств виновности Клименкина нет. Хотя преступление всегда нелогично, однако ясно же, что есть у каждого человека грань, за которую тот не может перейти. Клименкин не мог зверски напасть на старую женщину. Но тогда... Тогда все равно ведь есть кто-то, кто это сделал. Следователи этим не занимались.

В разговоре с Клименкиным адвокат узнал очень важную для дела деталь. Сидя в следственном изоляторе после отмены первого приговора, Клименкин общался с другими заключенными, и два парня – он запомнил их фамилии – слышали, как сын убитой Амандурдыевой рассказывал о том, что будто бы в день преступления отец приезжал на свидание с ним и сказал: «На мать напали несколько человек». Несколько. А это – ниточка.

После записей врача Кадырова и медсестры Хачатуровой, о которых упоминал еще Сафонов, это было уже третье такое свидетельство. Почему же оно не заинтересовало следователей?

Судья Алланазаров

Один из лучших судей Туркмении, член Верховного суда ТССР, Худайберды Алланазаров, был членом Союза советских писателей. Хотя он и закончил юридический факультет университета пятнадцать лет назад, однако долгое время работал не в суде, а в издательстве. Писал очерки, рассказы и повести, переводил произведения русских и таджикских писателей на туркменский язык. В его переводе на туркменском вышел сборник повестей и рассказов В. Г. Короленко, вторая книга «Жизнь Клина Самгина» М. Горького, произведения Льва Толстого и Чехова.

С 1969 года Худайберды Алланазаров стал судьей.

Однако он продолжал переводить и писать. Писал очерки и на судебные темы. В результате – несколько человек, необоснованно осужденных, получили свободу. За один из очерков, который назывался «Ферзевый гамбит прокурора», на Алланазарова обиделась прокуратура: «Или пусть работает, или пусть пишет, а в наши дела не вмешивается». Однако благодаря этому очерку два учителя, необоснованно осужденных, были освобождены...

Одна профессия не только не мешает, а наоборот, помогает другой – так считал член Верховного суда Туркмении Худайберды Алланазаров. Ибо что такое литература, как не попытка понять людей и помочь им? И что такое в конце концов суд, если не то же самое?

13 апреля 1971 года председательствующий Алланазаров открыл второй процесс по делу Клименкина.

Второй процесс

В самом начале процесса адвокат Беднорц подал ходатайство о направлении дела на новое, дополнительное расследование. Он хотел сразу же определить свою позицию по отношению к материалам предварительного следствия.

Судья Алланазаров понял поступок адвоката. Он тоже видел серьезные просчеты в деле. Однако хотел удостовериться в этом на суде. Кроме того, считал, что судебное разбирательство сможет хоть как-то восполнить недостатки предварительного следствия. Возвращение дела на новое доследование ничего не даст, ибо следствие уже заняло твердокаменную позицию, это было ясно. Только судебное разбирательство поможет высветить темные углы, пролить свет на нераскрытые обстоятельства дела.

Суд отклонил ходатайство адвоката.

Заседание началось.

Оно продолжалось четыре дня. Был допрошен обвиняемый, а также представитель потерпевшей – сын, Реджеп, этапированный из тюрьмы. И еще 21 свидетель.

Любопытными были неожиданные показания Анатолия Семенова.

«Следователь нагнулся к потерпевшей и начал ей что-то говорить на туркменском языке, переводчика не было, и нам никто не переводил. Потерпевшая ничего не говорила, а лишь махнула рукой, но на кого, я не видел даже. Все это время Клименкин молчал, а когда его начали арестовывать, то он возмущался. Семенов Григорий сразу упал в обморок. Показания, которые я давал ранее, не верны, так как я их давал по принуждению. На допросах следователь мне угрожал, чтобы я давал такие показания. Он бил меня по шее и наступал каблуком на пальцы ног. В то время я был условно освобожден с направлением на работу, и следователь мне говорил, что меня снова посадят в тюрьму. На судебном заседании я также давал ложные показания, затем, после суда, я написал письмо Генеральному прокурору, где все описал, но свой обратный адрес я не писал. Об этом знает мать Клименкина».

Но еще большее значение для суда имели показания милиционера Бердыева.

– Где вы стояли во время опознания? – спросил адвокат Беднорц.

– За Клименкиным.

– А что вы делали?

– Держал его за руку, – как ни в чем не бывало ответил Бердыев.

– Зачем?

– Мне велели, я и держал...

– Прошу занести показания свидетеля в протокол! – сказал Беднорц.

Эти показания начисто лишали опознание юридической силы.

Были зачитаны показания Хадыра Ичилова, хотя сам он не явился в суд.

Адвокат Беднорц начал выяснять, кто записал фамилию Ичилова.

– Я записал Ичилова! – заявил милиционер Гельдыев.

– Нет, я, – возразил ему Хасанов.

– Где записка с фамилией Ичилова? – спросил Беднорц.

– Отдал Абаеву, – сказал Гельдыев.

– Не было никакой записки, – отмахнулся следователь Абаев.

Теперь Беднорц был уверен, что Ичилов – подставное лицо. Он потребовал немедленно вызвать свидетеля в суд, ибо понимал, что при случае следствие обязательно ухватится за эту соломинку. Однако Ичилов в суд так и не явился.

Худайберды Алланазаров держался невозмутимо. Судья не имеет права поддаваться эмоциям. Однако день ото дня росла в нем досада. На следствие, на свидетелей. Показания свидетелей были противоречивы и путанны. Следствие проведено чрезвычайно поверхностно.

Не сделано очень многое, а время безнадежно упущено. Особенное внимание обращали на себя показания А. Семенова на суде, совершенно не соответствующие тем, какие он давал на предварительном следствии. Эти показания были прямо-таки сенсационными и сильно меняли дело. Кроме того, в процессе судебного разбирательства было выяснено, что врачи, лечившие Амандурдыеву, не заметили у нее проникающего ранения в почку. Частично именно в результате неправильного лечения потерпевшая и умерла! Ясно, что это вполне могло повлиять на показания врачей – выгораживая себя, они могли быть теперь необъективны...

Внутреннее возмущение Алланазарова росло, он удостоверился в том, что, принимая дело к слушанию, поступил, несомненно, правильно. Многое прояснилось.

Последним на суде выступил Каспаров.

– 26 апреля 1970 года в восемь часов тридцать минут утра я пришел на дежурство в линейное отделение милиции... – начал он.

Темноволосый, худощавый, с большими карими глазами человек держался прямо и говорил спокойно, убедительно, четко произнося каждое слово.

Никто не перебивал его, не задавал вопросов. Он проговорил почти час. Судья поблагодарил его, Каспаров вышел.

На этом судебное заседание закончилось.

А через два дня было вынесено определение: «Судебная коллегия считает, что при такой неполноте предварительного следствия невозможно вынести в отношении Клименкина В. П. оправдательного или обвинительного приговора... Поскольку допущенные по делу недостатки не могут быть устранены в судебном заседании, дело по обвинению Клименкина В. П. подлежит направлению на доследование».

Было вынесено также частное определение, в котором говорилось: «Данное уголовное дело расследовано с грубым нарушением требований ст. 15 УПК ТССР о всестороннем выявлении как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также отягчающих и смягчающих его вину обстоятельств... А в ходе настоящего судебного разбирательства выявлен возмутительный факт – милиционер Бердыев во время опознания держал за руку опознаваемого Клименкина В. П. Допрошенный в качестве свидетеля Ахатов – следователь линейного отделения милиции станции Мары, проводивший опознание, – в суде продемонстрировал свое пренебрежительное отношение к соблюдению уголовно-процессуальных норм... Учитывая, что такое отношение к требованиям закона не может быть терпимо со стороны работников следственных органов, и руководствуясь ст. 325 УПК ТССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Туркменской ССР определила: о вышеизложенном довести до сведения Министерства внутренних дел СССР и поставить перед ним вопрос о том, возможно ли дальнейшее использование Ахатова на следственной работе».

– Ну, все в порядке, – весело сказал Беднорцу корреспондент «Литературной газеты», опытный юрист. – Теперь оправдают. Даже процесса не будет. Прекратят производством. За недоказанностью и невозможностью наверстать упущенное. В свое время не провели следствие, как надо, а теперь поздно. Отпустят Клименкина.

– Дай-то бог, – ответил ему Беднорц и улыбнулся.

Он был доволен процессом, своим участием в нем. И с большим уважением думал об Алланазарове.

Но ни он, ни корреспондент газеты не знали, что все только начинается. Настоящая борьба впереди.

Поражение

Следователь по особо важным делам

Петр Данилович Бойченко считался одним из лучших следователей прокуратуры Туркмении. Обаятельный, энергичный, подтянутый, он умел располагать к себе людей. Щедрая природа наделила его не только приятной внешностью. Все давалось ему легко, если существует такого рода талант – талант следователя, то Бойченко был наделен им в полной мере. Он умел сразу, ухватив суть дела, поймав нужную, единственно верную, с его точки зрения, версию, выделить главное и, последовательно отсекая все лишнее, докопаться до сути – раскрыть дело так, что и прокурору, и судьям, и самому преступнику все становилось ясно с предельной точностью. Он сумел овладеть искусством допроса – этой тонкой процедуры, когда из хаоса бесконечных жизненных ситуаций, из сумбура памяти каждого участника «дела» необходимо выделить – ясно, коротко и недвусмысленно – именно то, что нужно. Постепенно, кирпичик за кирпичиком, возводил он величественное здание обвинительного заключения или постановления о прекращении дела. То, что он сооружал, порой казалось реальнее, чем сама реальность, ибо в хаосе повседневности, в сумбуре разных человеческих мнений где она, объективность? Где совершенство картины?.. А у него все получалось четко и однозначно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.